

УДК 340.125

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-226-229

Соотношение современных теорий правового инструментализма**Рязанова М.Н.**

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В представленной статье проведён анализ зарубежных теоретических подходов к правовому инструментализму. Автор акцентировала внимание на соотношении классических инструментальных теорий с современными вариациями инструментализма. В результате исследования сформулирован вывод о методологическом значении новых инструментальных трактовок права в призме цифровизации, локальных правовых экспериментов и персонификации правового регулирования. Ключевыми методами проведения исследования стали формально-логический и аналитический методы, а также отдельные частно-научные методы (правовой инструментализм, юридический прагматизм). В комплексном выражении эти методы позволили оценить тенденции развития зарубежной юридической науки в понимании законов как инструментов политико-правового проектирования. Автор выдвигает в качестве основного вывода тот факт, что, несмотря на выявленную актуальность современных теорий правового инструментализма, они обосновываются теми вызовами, с которыми сталкивается государство и общество.

Ключевые слова: философия права, правовой инструментализм, юридический прагматизм, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения

Для цитирования: Рязанова М.Н. Соотношение современных теорий правового инструментализма // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 226–229. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-226-229.

В современных условиях появляются новые теории правового инструментализма, предлагающие гибкие и прагматичные подходы к регулированию стремительно меняющихся общественных отношений. Прежде всего, это проблема правовой неопределенности новых технологий, получившая наименование в зарубежной юридической литературе название «*Digital Law & AI*» [1; 2], поскольку классические правовые средства значительно отстают от скорости развития искусственного интеллекта, технологий блокчейн и биотехнологий. Ожидаемым инструменталистским ответом на подобные запросы стали экспериментальные правовые режимы, в которых законы перестали быть догмой, чтобы выполнять функции своеобразных

инструментов управления и адаптации информационных данных.

В глобальном измерении при оценке климатических, миграционных проблем, а также усиления влияния эпидемий исследователи констатируют неэффективность национальных законов в преодолении трансграничных угроз [3, р. 812]. Поэтому всё чаще в юридической науке встречаются инструменталистские трактовки мягкого права (*soft law*), санкций и экономических стимулов в качестве средств воздействия на целые государства [4; 5].

Кроме того, в инструменталистских теориях происходит критическая переоценка права и социальной справедливости, что подводит доктринальную основу под такие направления, как декриминализа-

ция, при которой право становится инструментом снижения нагрузки на пенитенциарную систему и используется для исправления исторической несправедливости [6, р. 1119; 7, р. 25]. Однако пандемия COVID-19 показала неготовность национальных правовых систем к кризисам, что очевидным образом обнажило инструменталистский ответ в виде временных законов (например, дистанционное проведение судебных заседаний) и гибких механизмов регуляции (оперативное разрешение новых вакцин без долгих клинических испытаний).

Чтобы понять принципиальную специфику современных теорий правового инструментализма, необходимо обратиться к классической философско-правовой концепции *«legal instrumentalism»*, сторонники которой воспринимают право не в качестве самоценной системы абстрактных норм, а как инструмент достижения социальных, экономических и политических целей [8; 9]. Тем самым право выступает не целью, а средством её воплощения, что кардинальным образом отличает данную теорию от нормативистского подхода, в котором значима строгость соблюдения норм, и от естественно-правовых теорий, где право основано на морали.

В инструменталистском подходе закон не считается священным текстом, поскольку изначально рассматривается в качестве механизма воздействия на общество [10, р. 299; 11, р. 949]. Так, налоговое право начинает использоваться в целях перераспределения доходов, а трудовое право – для защиты работников. При этом инструментализм базируется на гибкости и прагматизме, ведь законы должны быть адаптированы к меняющимся жизненным обстоятельствам [12, р. 988]. Тем самым при неработающей норме требуется либо её отмена, либо её кардинальная корректировка.

Отсюда в классическом правовом инструментализме был выведен критерий эффективности права, который сводился не к формальному соответствию поведения правовым нормам, а к наличию реального результата [13, р. 431]. Например, такой результат выражается в снижении преступности после ужесточения уголовных наказаний.

Впрочем, в зарубежных юридических публикациях инструментализм искусственным образом повышал роль судов и иных правоприменительных инстанций, которые наделены широким усмотрением в интерпретации законов на основе принципа целесообразности [14, р. 119]. В частности, в судебной системе США нередко используется т.н. «целевая интерпретация», направленная против идеализации права и его статичности [15, р. 117]. Поэтому сторонники правового инструментализма всегда критиковали теории, трактующие право как «образец справедливости». В таком научном ракурсе право выражает определённые интересы, которые могут быть интересами государства либо

интересами элит, а равно интересами большинства или меньшинства [16].

Между тем столь радикальное восприятие права вызвало справедливую критику, которая основывалась на риске правоприменительного произвола, при котором закон выступал лишь инструментом, который всегда можно изменить или подстроить под любую политическую конъюнктуру. Кроме того, в классическом инструментализме размывается правовая стабильность – системный критерий правовой регуляции. Слишком частые законодательные изменения приводят к регуляторной непредсказуемости и к нивелированию справедливости в пользу правовой эффективности.

Если резюмировать суть классического правового прагматизма, то удачнее всего её характеризует следующая цитата Р. Паунда: «Право – не зеркало вечных ценностей, а молоток в руках тех, кто строит социальную реальность» [17, р. 251].

Невзирая на комплекс недостатков, современные версии правового инструментализма не только сохраняются, но и эволюционируют, комбинируя теоретические положения из разных дисциплинарных направлений. Главным из них следует признать неoinструментализм, сторонники которого стремятся сочетать классическую инструментальную теорию с экономическим анализом права [18; 19]. Так, законодательство в сфере рыночной конкуренции трактуется через призму экономической эффективности, а не как средство достижения абстрактной справедливости. Экологические нормы в таком теоретическом осмыслении оцениваются через их способность снизить общественные издержки, а не сохранить природу.

В политико-правовом направлении необходимо выделить современную теорию демократического инструментализма. Её суть сводится к акценту в правовом регулировании большинства общественных отношений на укрепление демократии и гражданского участия [20]. Наглядным примером можно назвать доктринальное обоснование законодательных экспериментов по проведению локальных правовых реформ с целью исследования социальных эффектов, как это имело место при установлении базового дохода в Финляндии и ФРГ [21]. Кроме того, в рамках данного теоретического восприятия большинство конституционных прав рассматриваются в качестве механизмов контроля за публичной властью.

Современный критический инструментализм трактует право как инструмент борьбы за власть, что используется правящими элитами в целях подавления различных меньшинств [22, р. 131]. В философском выражении данное научное направление демонстрирует совмещение неомарксизма с критической расовой теорией, поскольку его сторонники анализируют, например, каким образом законодательство в сфере миграции или уголовные законы дискрими-

нируют маргинализированные группы населения [23]. При этом тенденции по декриминализации наркотиков или иных запрещённых объектов рыночного оборота рассматриваются в качестве попытки пересмотреть карательную функцию права [24].

Наконец, набирающий научную популярность цифровой инструментализм рассматривает право в качестве инструмента адаптации для регулирования новых технологий и одновременно инструмента контроля над цифровой средой [25, р. 821]. Аргументация теоретиков данного подхода сводится к использованию европейских законов как способов перераспределения власти между корпорациями и пользователями [26, р. 18]. Не менее интересными в названной инструментальной теории представляются идеи принятия законов об искусственном интеллекте, где нормы будут существовать «на опережение» в целях прогноза и минимизации рисков [27].

Собственно, основным отличием классического инструментализма от его современных вариаций является очевидная междисциплинарность теоретических подходов, поскольку зачастую в них используются достижения не только социологии, но и психологии, экономики, антропологии, праксеологии и многих других наук. Помимо этого, прослеживается неоправданная гибкость в исследуемых механизмах правового регулирования, в которых предпочтение отдаётся не статичным догмам, а правовым экспериментам. Отсюда заметен акцент на процесс, при котором цели остаются не менее важными, но наравне с правообразованием и правоприменением с учётом влияния лоббизма, современных медиа-технологий, проведения общественных кампаний.

В рассмотренных направлениях современного правового инструментализма право трактуется в качестве своеобразной услуги, что создаёт риск его коммерциализации. Частный арбитраж, например, при рассмотрении большинства юридических конфликтов представляется более предпочтительным, чем стандартное производство в государственных судах. Подобный вектор теоретического развития неизбежно приведёт к утрате универсальности права, поскольку локальные правовые эксперименты и принимаемые на их основе управленческие решения вступают в противоречие с международным и конституционным правом, как это наглядно прослеживается на примере регулирования криптовалют в разных национальных правовых системах или большинства демократических процессов в отраслях права.

Таким образом, несмотря на выявленную актуальность современных теорий правового инструментализма, они обосновываются теми вызовами, с которыми сталкивается государство и общество. Прежде всего, это угроза принципу правового государства, поскольку закон считается лишь инструментом, что позволяет манипулировать им в по-

литических и частных целях. Частое изменение законодательства подрывает гражданское доверие и снижает легитимность принимаемых решений. Все это приводит к известным этическим дилеммам о возможности ограничения частных прав в пользу общественного блага.

Вместе с тем проанализированные теоретические направления демонстрируют, что юридическая наука уделяет повышенное внимание таким перспективным проектам, как:

- алгоритмическое право с усилением цифровых технологий при урегулировании правовых вопросов;
- персонифицированное правовое регулирование, при котором законы подвергаются адаптации под меняющееся поведение граждан;
- глобализация и локализация права в зависимости от интересов государств и корпораций.

В результате приходится констатировать, что современные теории правового инструментализма выступают методологическими подходами к исследованию правовых явлений и процессов в эпоху глобальных кризисов, поскольку их основное предназначение сводится к поиску юридического прагматизма посредством увеличения возможностей по злоупотреблению субъективными правами.

Литература:

1. Paweloszek I., Kumar N., Solanki U. Artificial intelligence, digital technologies and the future of law: Literature review // *Futurity Economics & Law*. 2022. Vol. 2. №. 2. P. 35–53.
2. Lobel O. The law of AI for good // *Fla. L. Rev.* 2023. Vol. 75. P. 1073.
3. Kampourakis I. Legal theory in search of social transformation // *European Law Open*. 2022. Vol. 1. № 4. P. 808–821.
4. Zerilli F.M. Anthropology and soft law // *Research Handbook on Soft Law*. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 71–86.
5. Bacharis G., Osmola S. Rethinking the instrumentality of european private law // *European Review of Private Law*. 2022. Vol. 30. №. 3. P. 11–16.

6. Fissell B.M. Against criminal law localism // Md. L. Rev. 2021. Vol. 81. P. 1119.
7. Cho S. Law's Horizons // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2025. Vol. 34. P. 23–29.
8. Horwitz M.J. The rise of legal formalism // The American Journal of Legal History. 1975. Vol. 19. № 4. P. 251–264.
9. Trubek D.M. Toward a social theory of law: an essay on the study of law and development // The Yale Law Journal. 1972. Vol. 82. № 1. P. 1–50.
10. Teubner G. After legal instrumentalism // Dilemmas of law in the welfare state. 1986. P. 299.
11. Lyons D. Legal formalism and instrumentalism – a pathological study // Cornell L. Rev. 1980. Vol. 66. P. 949.
12. Moore M.S. Need for a Theory of Legal Theories: Assessing Pragmatic Instrumentalism // Cornell L. Rev. 1983. Vol. 69. P. 988.
13. Gardner S. Instrumentalism and necessity // Oxford J. Legal Stud. – 1986. Vol. 6. P. 431.
14. Quevedo S.M. Formalist and instrumentalist legal reasoning and legal theory // Calif. L. Rev. 1985. Vol. 73. P. 119.
15. Brownsword R. Instrumentalism and American Legal Theory // The Modern Law Review. 1985. Vol. 48. № 1. P. 116–120.
16. Paine L.S. Instrumentalism v. Formalism: Dissolving the Dichotomy // Wis. L. Rev. 1978. P. 997.
17. Pound R. Roscoe Pound // My Philosophy of Law: Credo of Sixteen American Scholars. Boston: Boston Book Co, 1941. P. 249–262.
18. Posner R.A. Law, pragmatism, and democracy. Harvard University Press, 2009. 416 p.
19. Calabresi G. The future of law and economics: essays in reform and recollection. Yale University Press, 2016. 228 p.
20. Dewey J. Logical method and law // Logic, Probability, and Presumptions in Legal Reasoning. Routledge, 2013. P. 181–191.
21. Seidman A., Seidman R.B. Instrumentalism 2.0: Legislative drafting for democratic social change // Legisprudence. 2011. Vol. 5. № 1. P. 95–142.
22. Tamanaha B.Z. The tension between legal instrumentalism and the rule of law // Syracuse J. Int'l L. & Com. 2005. Vol. 33 P. 131.
23. Ellermann A. Discrimination in migration and citizenship // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol. 46. № 12. P. 2463–2479.
24. Weissman J.C. Drug control principles: instrumentalism and symbolism // Journal of Psychedelic Drugs. 1979. Vol. 11. № 3. P. 203–210.
25. Pasquale F., Cockfield A.J. Beyond instrumentalism: a substantivist perspective on law, technology, and the digital persona // Mich. St. L. Rev. 2018. P. 821.
26. Brownsword R. Law disrupted, law re-imagined, law re-invented // Technology and Regulation. 2019. Vol. 2019. P. 10–30.
27. Tamò Larrieux A. et al. Regulating for trust: Can law establish trust in artificial intelligence? // Regulation & Governance. 2024. Vol. 18. № 3. P. 780–801.

Comparison of Modern Theories of Legal Instrumentalism

Ryazanova M.N.

Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In this scientific article, the author analyzed foreign theoretical approaches to legal instrumentalism. The main emphasis is on comparing classical instrumental theories with modern variations of instrumentalism. As a result, the article formulates a conclusion about the methodological significance of new instrumental interpretations of law using the example of digitalization, local legal experiments, and the personification of legal regulation. The main methods of conducting the research were the formal-logical and analytical methods, as well as individual private scientific methods (legal instrumentalism, legal pragmatism). In a comprehensive expression, they allowed the authors to assess the trends in the development of foreign legal science in relation to the understanding of laws as instruments of political and legal design. The authors put forward as the main conclusion the fact that modern theories of legal instrumentalism are substantiated by the challenges faced by the state and society.

Key words: philosophy of law, legal instrumentalism, legal pragmatism, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

